Запах вторника

Алексей Грязинский

Алексей Грязинский

Запах вторника

«Автор»
2026

Грязинский А.

Запах вторника / А. Грязинский — «Автор», 2026

Что общего у пыли цвета молочной пены, выхлопных газов и влажного предчувствия грозы? Для детективов агентства «Трудные дела» — это обычный вторник, пахнущий остановившимся временем. Пока Кирпич колдует над медной туркой, а Марго расшифровывает собственные криптограммы, стажёр Артём рассказывает им старое дело 1986 года: студентка исчезла, в заброшенном элеваторе нашли тело в её одежде — но она продолжала ходить на лекции после своей предполагаемой смерти. Детективы берутся за «висяк». Ироничный детектив о том, как преступление от скуки оказывается хитроумнее, чем кажется, а запах вторника может привести к самому неожиданному финалу.

© Грязинский А., 2026
© Автор, 2026

Алексей Грязинский
Запах вторника

Странным, вязковатым и многослойным запахом начинался вторник в детективном агентстве «Трудные дела». Пыль цвета молочной пены, осевшая ровным слоем на подоконник, шкаф и даже рабочий стол с журнальным столиком, была повсюду; из окон доносился запах выхлопных газов — неподалёку от кабинета располагалась станция технического обслуживания, где каждый раз стояло по нескольку грузовиков с разобранными двигателями, пытающихся завестись без копоти. Заводиться-то они заводились, однако пахло недогоревшим топливом, моторным маслом и отвалившимся нагаром, и всё это добро подбиралось как раз к нам, на второй этаж, обволакивая вторым слоем аромата. Третьим слоем был аромат грядущего дождя. Духота — предвестник скорого ливня — иногда с ветром приносила влажность от какой-то небольшой тучи, которая, что характерно для июля, могла внезапно заменить собой раскалённые испарения земли и затопить стремительным ливнем всю округу, а потом, выполнив свою работу, быстро ретироваться, вернув жару. Не удивлюсь, что, если поместить эту кучу ароматов во флакон и подарить какому-нибудь одеколонному сомелье, он признает в ней великий, и обязательно удавшийся эксперимент воспроизведения аромата липецкой хтони. Но наш кабинет и вся эта палитра ароматов создавали ощущение не безнадёжности, но, пожалуй, остановившегося времени. Если понедельник ещё сохраняет некоторую инерцию выходных, то вторник — это точка равновесия, момент, когда прошлое уже отдалилось, а будущее не сулит перемен. Ветер подгонял тучу, раскачивая тополь и поднимая в небо несчастные полиэтиленовые пакеты.

Я сидел на своём законном месте — небольшом кресле, повёрнутом к окну. Столом мне служил подоконник: положив на него книгу, я дочитывал одну из самых страшных сцен «Преступления и наказания» Достоевского — сон о лошади. Не так давно его на свой манер разобрала в своём эссе Марго, исписав блокнот огромной кучей корявых кустарников, видов травы, гор, холмов и даже деревьев, хотя сама она называла это почерком и могла без труда разглядеть на этих рисунках буквы, быстро переводя свои записи в понятную для меня форму. Дочитав страницу, я закрыл книгу и принялся рассматривать блокнот Марго. В самом начале её записей стояло некрасивое дерево с наростом внизу, издалека напоминающее заглавную букву «В». Далее были несколько зубцов, сегментов и интервалов, как будто она скопировала анализ электрокардиограммы. В перерыве медицинского заключения я нашёл на удивление хорошо написанные слова, которые походили на русские «предупреждение», «топор» и «символ». Далее по рисунку я нашёл надпись на латыни *nota bene*, что означает «обрати внимание», хотя это также могло быть русскими словами «по табелю».Иногда, на долю секунды, мне казалось, что я различаю отдельные слова — «свидетель», «алиби», «время», — но они тут же расплывались, превращаясь обратно в графическую абстракцию.

— Марго, — произнёс я, не поднимая головы, — ты сама-то можешь это прочесть?

Она не отрывала взгляда от планшета, лежащего перед ней на расстоянии вытянутой руки под углом примерно сорок пять градусов к плоскости стола.

— Могу, — ответила она. — Но не хочу. Это старые записи. Я их написала так давно… Утром, кажется? Начну перечитывать — пойму, сколько времени потратила зря. А это вредно для самооценки.

— Но как ты их ведёшь? Ты же потом сама не разберёшь.

— Артём, я их и не читая хорошо помню. Да и вообще, зачем мне писать что-то, что можно легко прочитать? Тебя послушай, и мир не ломал бы голову над такими вещами, как, например, «Золотой жук» Эдгара По или рукопись Войнича.

— Она хочет сказать, что в каждой женщине должна быть нерешённая загадка. — Со стороны миниатюрной кухни в кабинете послышался голос. — В случае с нашей Марго это должна быть криптограмма.

Марго выгнула бровь. Её лицо стало походить на человека, который попал в коллектив необучаемых обезьян. Выждав паузу нагнетания, она собралась что-то съязвить, но её остановил звук уведомления, и девушка, изменив приоритет, вернулась к планшету.

Живая громада мышц, второй по совместительству детектив нашего агентства Кирпич, колдовал над туркой. Сам процесс, сам ритуал занимал его полностью. Медная, обгоревшая и залитая не одним слоем турка, стояла на маленькой электроплитке. Кирпич, как истинный ценитель кофе, варить его совершенно не умел. Он старательно пытался вывести варку до идеального состояния воздушной пенки, которая у него получалась крайне редко.По комнате медленно тянулся запах свежемолотых зёрен. Кирпич покупал их в лавках по всему городу, экспериментируя и пытаясь найти тот самый вкус. Но тот самый вкус куда чаще находился в кофейнях, нежели в его попытках.

Весь процесс занимал около двадцати минут. Сперва — ручная мельница: электрическую он презирал, утверждая, что она убивает саму соль кофе. Этот этап сопровождался скрежетом, и первое время я думал, что он своей силой просто ломал кофемолку или принудительно заставлял её работать, из-за чего та стонала от тяжкого труда. Марго называла его звуковым сопровождением нашего банкротства. Лицо Кирпича в минуты готовки приобретало выражение, которое я бы определил как почти монашеский покой — будто он не кофе варит, а наблюдает за каким-то чрезвычайно важным химическим опытом.

— Ты понимаешь, — сказала Марго, что-то разглядывая в планшете, — что за то время, пока ты варишь одну чашку, нормальный человек может сходить в кофейню, выпить капучино, вернуться и написать мемуары?

— Нормальный человек, — отозвался Кирпич, не отвлекаясь от турки, — пьёт растворимую ересь, причмокивая, и громко заявляет, что это идеальный кофь. А ещё говорят, что нормальные люди молоко или сливки в кофе добавляют. Я не хочу быть нормальным. Нормальный человек сыплет сахар в эспрессо. Нормальный человек — это диагноз.

— Ты не нормальный, тут я спорить не буду.

— Кофе — он как девушка на первом свидании: суеты не любит, — продолжал он. — Вот вы, молодое поколение, — он покосился в мою сторону, — вы привыкли, что всё сразу. Кофе — из автомата. Еда — из доставки. А настоящий кофе требует, чтобы ты подождал. Чтобы вложил в него частичку себя.

— В кофейнях ради пенки в стакан плюют: частичка себя, — съязвила Марго.

Он разлил кофе по чашкам. Себе — самую большую кружку, с надписью «Я не толстый, я бронированный». Мне — поменьше, с отколотой ручкой, которую он принципиально не чинил, утверждая, что «это придаёт характер». Марго — в крохотную фарфоровую пиалу, купленную ею на блошином рынке. Она брала её двумя пальцами и, оттопырив мизинец, делала микроскопический глоток, после которого кривила лицо и говорила: «Фу. Гадость. Жить можно, в целом даже вкусно».

— Мы сидим без заказов вторую неделю, — заметила она, ставя пиалу на стол с тихим стуком. — Твоя варка не оплачивает счета.

— Мы сидим без заказов, потому что преступность упала. А преступность упала, потому что преступники обленились. Раньше, чтобы ограбить банк, нужно было разработать план, собрать команду, достать оборудование. А сейчас — сидишь в трусах перед компьютером, ковыряешь пупок и нос поочередно, рассылаешь фишинговые письма. Где величие? Где масштаб? Где честь?

Марго закатила глаза.

— Преступность не упала. Она изменилась. Все перешли в онлайн. Мошенничество с криптовалютой, кража и торговля персональными данными. Ты просто сидишь тут со своей туркой и ждёшь, что позвонят и скажут: «Кирилл Никитич, у нас на сибирской станции труп женщины, приезжайте, расследуйте это дело и найдите сто тысяч миллионов пропавших бриллиантов».

— Да какие бриллианты. Я не жду звонка. Можно же на электронную почту писать. Я просто жду дело, в котором есть изюм, или вот…

Он показал на вазу с сухофруктами и орехами. Я проследил прямую линию. Кирпич показывал на кусочек грецкого ореха.

— Кражу мюсли? — неуверенно спросил я.

— Чтобы преступник не просто украл, а украл красиво. Чтобы был план, изящный, как шахматная партия. Чтобы мы его разгадали — шаг за шагом, — и в конце можно было сказать: да, это был достойный противник. — Он кивнул в сторону планшета. — Что там у тебя?

Марго вздохнула и принялась монотонно, как новости по радио, читать вслух:

— «Гражданка Н., 1952 года рождения, обратилась с заявлением о пропаже козы. Со слов заявительницы, коза по кличке Манька была привязана к колышку, однако в период с четырнадцати до шестнадцати часов неизвестный злоумышленник отвязал животное и скрылся. Ущерб оценён в четыре тысячи рублей». Четыре тысячи. За целую козу. Коза стоит дешевле, чем твои пачки зёрен. Лучше бы у нас была домашняя коза, честное слово.

Кирпич мечтательно уставился в потолок, точнее, на жёлтое пятно от давней протечки, расположенное чуть левее центра.

— Интересно, — произнёс он медленно, растягивая слова. — Какие у нее были мотивы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.